

ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕХОДА РОССИИ К НЕСЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИКИ

Никонова Алла Александровна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ЦЭМИ РАН, Москва, pretyall@yandex.ru

Глобальные тенденции научно-технологического развития, наряду с проблемами структурных диспропорций российской экономики и ее низкой энергоэффективности, вызывают необходимость отказаться от использования нефтегазовых источников в качестве основы экономического роста и перейти к модели, базирующейся на несырьевых факторах, которые будут более полно способствовать устойчивости и сбалансированности развития социально-экономической системы. В данном контексте под несырьевой моделью понимается не экономико-математическое, формализованное, или теоретическое, описание связей и отношений в экономике в форме зависимостей переменных. Также не обсуждается переход к иному типу экономической системы как способу воспроизводства основных производственных отношений и соответствующих взаимодействий основных экономических агентов в рамках выбора альтернатив: рыночной или нерыночной системы, смешанной экономики или других вариантов системы отношений. Данная модель экономики рассматривается как частный случай экономической модели – с точки зрения базовых факторов в основе роста и развития экономики. Каждый из возможных механизмов перехода к несырьевой экономике требует определенных условий для реализации. В сложившейся ситуации в России комбинация механизмов представляется правильным решением. Исследование современных особенностей реализации связей эндогенных и экзогенных переменных позволяет выделить наиболее важные тенденции и ограничения роста и развития экономики, определить возможные механизмы, способствующие изменению структуры факторов, в частности, за счет интенсификации использования когнитивных и технологических факторов и наращивания соответствующего потенциала конкурентоспособности отечественных предприятий несырьевого сектора.

Ключевые слова: социально-экономическая система, управление, организация, высокие технологии, инвестиции, экспорт.

Классификация JEL: O25.

ВВЕДЕНИЕ

Современные глобальные тренды и внутренние пределы указывают на необходимость перехода российской экономики к несырьевой модели, т.е. к способам производства, основанным не на экстенсивном использовании сырьевых ресурсов, а на активизации когнитивных, интеллектуальных и технологических факторов в качестве конкурентных преимуществ хозяйствования (Сухарев, 2016). Актуализация задачи для России вызвана не столько угрозой исчерпания легко доступных энергоресурсов и даже не ростом издержек на добычу, особенно капитальных затрат, сколько ростом неопределенности долгосрочного конкурентоспособного роста национальной экономики, базируемого на источниках углеводородов. Такая неопределенность вызвана длин-

ным списком внутренних и внешних обстоятельств, связанных с эффективностью (т.е. экономической доступностью) энергии, флуктуациями цен на международных рынках, переключением энергетической карты мира и ростом конкуренции для наших экспортеров, стратегиями чистой (без углеродной) экономики в странах, традиционно потребляющих российские энергоресурсы.

Ведущим ограничением несырьевой модели является неопределенность долгосрочного внутреннего и, особенно, внешнего спроса на российское нефтегазовое топливо. Для растущих экономик Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) прогнозируется сохранение потребности в этом виде топлива, в газе – даже рост, но развитие технологий в сфере традиционных альтернативных источников энергии и удешевление поставок углеводородов другими странами-экспортерами, создают неопределенность также для восточного вектора энергетической стратегии РФ и национальной экономики в целом. В связи с этим задача перехода к несырьевой модели экономики не вызывает сомнений в научном и экспертном сообществах.

Для перехода к новой модели необходимо, во-первых, создать определенные условия, предпосылки, инициирующие преобразования всех подсистем экономики и общества, а также переформатировать взаимодействия между подсистемами на принципах системной организации в пространственно-временном аспекте для достижения наиболее полной функциональности каждой подсистемы и гармоничной целостности социально-экономической системы, согласно положениям системной теории экономики, которую развивает ЦЭМИ РАН под руководством члена-корр. РАН Г.Б. Клейнера (Клейнер, 2011; 2013; 2017). Во-вторых, не менее сложная научная и практическая задача – найти правильные организационно-экономические механизмы, направленные на формирование несырьевой модели, т.е. комплекс инструментов и способов управляющих воздействий, правил их применения и институтов, которые все это обеспечивают; это является основной целью данного исследования. Решение этих задач зависит от множества экономических и внеэкономических факторов; они составили предмет анализа. Отдельные мероприятия такого рода осуществляются с 2007 г., когда в Послании к Федеральному собранию РФ президент страны сформулировал задачу перехода к высокотехнологичной модели развития России¹. Однако результаты реализации программ оказались хуже ожидаемых: признаки сырьевого характера отечественной экономики налицо. Это указывает на фрагментарность, непоследовательность и разрозненность мер, неадекватность их реальной ситуации и потенциалу страны.

¹ Впервые цель структурной перестройки российской экономики прозвучала в Послании Президента в 2000 г.

ПРИЗНАКИ СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В списке признаков сырьевой экономики можно выделить несколько групп показателей, характеризующих сохраняющуюся зависимость РФ от сырьевых факторов и, напротив, указывающих на стагнацию технологичных производств обрабатывающего сектора. К первой группе отнесем характеристики вклада сырьевого сектора в экономику: в ВВП, доходы бюджета, экспорт, сравнительно с аналогичными показателями несырьевых видов деятельности со значительной долей переработки ресурсов. За 2002–2017 гг. вклад сектора добычи полезных ископаемых в валовую добавленную стоимость увеличился с 6,66 до 10,3%; обрабатывающего сектора – напротив, сократился с 17,2 до 13,3%; (Социально-экон. показатели, 2016; Социально-экон. положение, 2017, с. 7). Удельный вес сырьевых товаров в экспорте и его динамика выступают наиболее значимыми показателями не только сырьевой ориентации национальной экономики, но уровня конкурентоспособности продуктов на международных рынках. Продукция машиностроения и металлообработки занимала наибольшую часть экспорта РФ в 1991 г., 39,1%. За четыре года реформ доля машин, оборудования и транспортных средств в экспорте резко сократилась до 10,2% в 1995 г.; за 11 месяцев 2017 г. она составила 7,37%. За период 1991–2016 гг. удельный вес топливно-энергетических товаров в экспорте увеличился с 26,3 до 58,2%, минеральных продуктов в целом – до 59,2% (Российская Федерация в 1992 г., с. 40; Торговля в России, 2017; Офиц. стат.: Внеш. торг.; Социально-экон. положение, 2016, с. 136, 138; Социально-экон. положение, 2017, с. 121).

В другую группу входят характеристики структурной динамики национальной экономики. Согласно таким показателям, добывающий сектор обгоняет обрабатывающий – как по темпам роста физического объема валовой добавленной стоимости (в постоянных ценах): 1,4 против 0,4% (2017 г.), так и по индексу производства – 102,7 против 100,5% (2016 г.); 102 против 100,2% (2017 г.) (Социально-экон. положение, 2017, с. 8, 17–18, 21).

Третья группа признаков показывает уровень и динамику технико-технологических изменений производства товаров и услуг в России в контексте стран, прежде всего, сопоставимых по уровню доходов на душу населения. Характеристики включают широкий спектр показателей создания, развития и распространения знаний, технологий, инноваций и влияния их на экономику, выраженных в целом в интегральном индексе инновационного развития. Так, в 2017 г. РФ заняла 45-е место из 127 стран мира (43-е из 128 – в 2016 г.). При этом по показателям создания знаний наша страна занимает 22-е место, но по результативности применения знаний в экономике Россия – на 111-й позиции (The Global Innovation, 2017, p. 281), что указывает на недостаточное совершенство входных, институциональных и регуляторных условий исследовательской и инновационной деятельности, а также механизмов трансляции

рования знаний в экономику. Удельный вес промышленных предприятий, осуществлявших технологические инновации, в России остается на уровне 9%, что в несколько раз ниже, чем в странах ОЭСР; в семь раз ниже, чем в Германии, причем, инновационная активность по субъектам РФ различается более чем в 80 раз (Росс. стат. ежегодник, 2017, с. 486–487).

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Производительность труда и уровень издержек тесно связан с технологическим уровнем индустрии. Некоторые данные свидетельствуют о слабой готовности производственного потенциала обрабатывающих отраслей интенсивно расти: велика доля изношенного оборудования и старых технологий. Так, по оценкам (Salnikov et al., 2016, p. 252), удельный вес неконкурентоспособных и старых производственных мощностей на начало 2015 г. составил, соответственно, 26 и 39% – в производстве машин и оборудования; 22 и 50% – кожи и обуви; 17 и 29% – транспортных средств и транспортного оборудования; 14 и 42% – продуктов химии. Почти две трети организаций осуществляют инвестиции с целью замены выбытия устаревших фондов, и лишь 32% – введения новых производственных технологий; 19% – введения новых рабочих мест, притом, что в 2000 г. эти цели преследовали, соответственно, 56 и 41; 30% организаций (Росс. стат. ежегодник, 2017, с. 305). Старение производственной базы вызвано падением инвестиций с 1990 г. Кроме того, сохраняется перекос структурно-инвестиционной политики: индекс физического объема инвестиций в сопоставимых ценах составил в 2010 г. к предыдущему году 106% в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых; 101,5% – в обработке; в 2016 г., соответственно, 115,8 и 90,2% (Росс. стат. ежегодник, 2017, с. 301). Необходимы масштабные вложения для реновации, чтобы приступить к инновационному сценарию экономического роста и развития технологичных производств.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА И ФОРМИРОВАНИЯ НЕСЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ

Задачи создания высокоразвитого многоотраслевого промышленного комплекса на основе использования ресурсных преимуществ успешно решены в США в начале XX в. и в СССР к середине того же века. Выбор механизмов базировался на конкретно исторических условиях и эволюционных предпосылках. В первом случае – путем создания инновационно ориентированного комплекса, опирающегося на движущие силы в частное предпринимательство, в сочетании с эффективным и масштабным финансовым рынком на базе собственной валюты. В СССР индустриализация осуществлена в рамках закрытой модели экономики и плановой системы под эгидой государства.

Применительно к современной ситуации уповать исключительно на рыночные механизмы Россия не может, как показал наш опыт хозяйствования: «сам по себе ры-

нок крупные структурные сдвиги в условиях открытости экономики, а тем более при ее глобализации, обеспечить, в принципе, не в состоянии» (Рязанов, 2011, с. 165). По этим и другим причинам в той же работе сделан вывод о неприемлемости такого варианта как финансиализация российской экономики путем аккумуляции рента и других доходов, формирования финансовых рынков и институтов, обеспечения полной конвертируемости рубля, использования других финансовых инструментов. Накопленные в результате средства можно направить на создание конкурентоспособных производств и встроиться в международное разделение труда. Однако «эти сегменты выпуска готовой продукции превратятся в соответствующие подразделения глобально организованного хозяйства, функционирующие формально внутри национальной экономики, но не работающие на нее. В этих условиях не создать национально ориентированный и многоотраслевой комплекс для производства готовой продукции, который реализовывал бы национальные экономические интересы и ориентировался бы на внутренний спрос» (Там же, с. 166). Иными словами, это – не та модель, к которой стоит стремиться, механизмы ее создания приведут не столько к уходу от сырьевого сценария экономического роста, сколько к формированию автономного высокотехнологичного сегмента, ориентированного на зарубежный спрос и обслуживающего интересы ТНК. И.Э. Фролов высказывает подобные опасения и предупреждает о вреде анклавизации экономики для целостности социально-экономической системы, в том числе указанным выше путем (Фролов, 2017).

Что касается альтернативного варианта, а именно, модели новой индустриализации в России, то механизм перехода к ней предполагает усиление роли государства как движущей силы, значительное снижение открытости страны, свертывание либерализации экономики, что затруднительно в современной ситуации ввиду отсутствия реально активных и заинтересованных субъектов перемен и солидарной поддержки со стороны социума. Необходимыми условиями становления несырьевой экономики в индустриальном варианте являются определенные требования к государству как основному субъекту перемен: усиление институтов государственного планирования и управления на основе системных принципов, повышение эффективности государственного аппарата, улучшение регуляторной среды, укрепление политической воли государственной власти, рост ответственности и квалификации руководящих кадров.

Могут быть предложены другие варианты несырьевых моделей: например, экономики с превалированием сектора высокотехнологичных услуг (информационно-коммуникационных, инженерных, туристических, транспортных). Каждая модель нуждается в обосновании, поскольку имеет свои плюсы и минусы. В целом выбор содержания несырьевой модели зависит от имеющегося потенциала и динамики его развития. Для этого требуются системные оценки производственных отношений и динамических способностей социально-экономической системы, включая внутреннее состояние, характер взаимодействий подсистем, возможности и перспективы изменений.

СПОСОБЫ ПЕРЕХОДА К МОДЕЛИ НЕСЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Инструменты перехода к новой модели экономики смогут быть классифицированы по их направленности. Одна группа стратегических мер *инвариантна* современным типам несырьевой модели. 1. Наращивание и лучшее использование интеллектуального потенциала и человеческого потенциала экономики знаний: выращивание, привлечение, удержание талантов; вложения в человеческое развитие и научно-образовательную базу поддержки когнитивных и интеллектуальных факторов роста. 2. Инициирование заинтересованности ключевых игроков: государства, бизнеса, социума, экономики в лице предприятий. 3. Организация сбалансированных структур и взаимодействий подсистем с точки зрения эффективной функциональности и целостности экосистемы. 4. Подбор способов согласования предпочтений, поведения экономических агентов различного типа.

Другие направления воздействий *обусловлены особенностями модели* будущей экономики. Создание сервисной экономики потребует переориентирования направлений вложений средств в сторону сектора интеллектуальных услуг, используя известные преимущества РФ в уровне математической и естественнонаучной подготовки кадров. Для развития информационной, или цифровой, экономики важно расширять базы данных, коммуникационные сети, систему повышения квалификации и переподготовки кадров.

Для новой индустриализации необходимы, прежде всего, массовые инвестиции в обновление технико-технологической базы обрабатывающих отраслей с целью повышения производительности и конкурентоспособности; финансовые и нефинансовые стимулы к технологической модернизации производств, включая налоговые льготы на весь период замены техники и технологий; создание благоприятных условий для использования заемных источников финансирования при обновлении технологий, в том числе за счет снижения ключевой ставки процента за кредит.

В соответствии с различием условий и предпосылок для каждого типа несырьевых моделей, механизмы перехода могут быть построены на основе принципов взаимного дополнения или взаимного исключения. Применительно к современной ситуации выделим три основных типа механизмов перехода к несырьевой экономике, которые на практике тесно взаимосвязаны (рис. 1).

Конверсия базируется на развитии и диффузии технологий двойного назначения. Опыт РФ, Китая и развитых стран указывает на плодотворность таких источников новых технологий. В декабре 2016 г. Президент страны поставил задачу довести долю гражданской продукции до 30% общего объема производства ОПК к 2025 г. и до 50% – к 2030 г. Механизм предполагает усиление взаимодействий оборонно-промышленного комплекса, гражданского и научно-образовательного секторов экономики в сфере производства, НИОКР и подготовки кадров. Ограниченность применения вызвана рядом условий, плохо совместимых с требованиями национальной без-

опасности, в том числе потребностью вывода части разработок из-под грифа секретности с соответствующими последствиями. Попытки реализовать сценарий конверсии в РФ удалась пока не в полной мере по ряду причин, приведенных в докладе (Диверсификация, 2017, с. 19–21).

Рис. 1. Основные типы механизмов перехода к несырьевой экономике и условия реализации

Механизмы *импортозамещения* предполагают определенную степень протекционизма во внешнеэкономической политике, что вызывает противодействие со стороны некоторых субъектов управления национальной экономикой. Поэтому меры нужно реализовать так, чтобы они не вступали в противоречие с глобальными инновационными трендами, в том числе расширением открытых инноваций, транснациональных потоков знаний, технологий, инновационно наполненных инвестиций. Санкции в отношении РФ способствовали – как общественному признанию импортозамещения, так и получению заметных результатов в отсутствующих у нас сферах деятельности, к примеру, в производстве пармезана. Механизмы применимы также там, где наши позиции традиционно сильны: в самолетостроении, судостроении, др.

Исследования (Фальцман, 2016; Фролов, Лебедев, 2007) показывают, что *экспорт технологичной продукции* – один из мощных драйверов индустриального роста: наращивание экспортного потенциала – перспективный способ роста конкурентоспособности национальных компаний путем получения опыта, обмена знаниями и технологиями, обучения инновациям, встраивания в глобальные цепочки стоимости. Это способствует росту и развитию отечественных технологических компаний, конкурентоспособных по уровню производительности (Pietrubelly, Rabelloty, 2009; The Global Manufacturing, 2016, p. 6), в частности, под влиянием стремления соответствовать лучшим мировым образцам. С этих позиций *наращивание технологического экспорта* выступает движущей силой развития несырьевой экономики. Рост экспортного потенциала технологического сектора содействует повышению технологического уровня производства, расширению ассортимента инновационной продукции, повышению ее качества, снижению издержек, расширению доли рынков. Механизмы стимулирования несырьевых экспортеров, в основном, технологического малого и среднего бизнеса (рис. 2), развиваются в РФ в рамках приоритетного проекта «Системные меры развития международной кооперации и экспорта» при помощи триады институтов финансовой и нефинансовой поддержки.

нансовой поддержки экспорта: Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, ЭКСАР (2011) – Российский экспортно-импортный банк, Росэксимбанк (1994) – Российский экспортный центр (РЭЦ) (2015).

Рис. 2. Инструменты поддержки несырьевого экспорта в России

Источник: построено по данным РЭЦ.

За 2014–2016 гг. достигнут рост удельного веса несырьевых товаров в экспорте с 51,4 до 55,4%; несырьевых неэнергетических – с 27,7 до 38,2%; высокотехнологичных товаров – с 10 до 14,5%; доля телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг в экспорте услуг выросла с 6,85 до 7,8% (Развитие..., 2017, с. 4–5; Торговля в России, 2017, с. 191, 210). За 11 месяцев 2017 г. доля несырьевых товаров в экспорте снизилась до 54,3% (на 0,7 п.п.) по сравнению с тем же периодом 2016 г.; несырьевых неэнергетических товаров – до 36,3% (на 1,5 п.п.) (Развитие..., 2018, с. 2). Наибольшая часть несырьевого экспорта товаров (свыше четверти) занята по-прежнему металлопродукцией. Таким образом, наметились сдвиги, но динамика выпуска и экспорта высоких технологий не устойчива: за 2016 г. объем экспорта высокотехнологичной продукции сократился на 4,6%; за январь-ноябрь 2017 г. – вырос почти на 22%; импорт увеличился, соответственно, на 3,5 и 26,5%. (Социально-экон. положение, 2016, с. 155; Социально-экон. положение, 2017, с. 131).

На динамику внешнеторговых операций влияла ценовая составляющая. За 2017 г. индекс производства компьютеров, электронных и оптических изделий составил 92,7%; лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, – 112,3%; отдельных видов электрического оборудования – 102,8%; машин и оборудования – 102,5%; автотранспортных средств – 112,8%; прочих транспортных

средств и оборудования – 100,6% (Социально-экон. положение, 2017). Можно считать рост отчасти восстановительным с учетом снижения производства за предыдущие годы. Незначительные масштабы поддержки и развертывание других инструментов пока не смогли изменить существенно профиль российской экономики с точки зрения отраслевой структуры и активности бизнеса в технологических преобразованиях. Инвестиции в модернизацию технологий остаются на низком уровне, но это – важнейшее условие развития технологий.

Механизмы дотирования хозяйствующих субъектов, предприятий или регионов, имеют противников и сторонников в научном мире. Избирательная поддержка ставит предприятия (и даже виды деятельности) в неравные условия, чревата опасностью роста экономической неоднородности, препятствующей технологическому развитию экономики в долгосрочном периоде (Фролов, 2017). Действительно, некоторые звенья могут обойтись без дотаций, использовать свои преимущества, расти и развиваться в результате повышения конкурентоспособности за счет разнообразия возможностей, пространственных, отраслевых или других особенностей, на основе которых можно формировать точки роста. Однако ряд элементов системы, не обладающих достаточным внутренним потенциалом, выполняет функции, жизненно важные для сбалансированного развития национального хозяйства; исключение таких звеньев может нанести урон функциональности и целостности социально-экономической системы, поэтому они нуждаются в поддержке. Вместе с этим следует придерживаться подхода, согласно которому следует предоставить слабому субъекту удочку, но не рыбу: именно такая мера способствует формированию адаптационных способностей системы и её элементов в процессе трансформации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обоснование механизмов перехода к несырьевой экономике на базе системных принципов моделирования связей и взаимодействий подсистем в рамках целостности социально-экономической системы будет способствовать более глубокому и полному обоснованию национальных стратегий, экономической и научно-технологической политики. В российских условиях представляются перспективными механизмы, направленные на согласование взаимодействий и стратегий контрагентов, не заинтересованных при действующих правилах игры в изменении сырьевого профиля экономики. На этом пути может быть полезным создание вертикально интегрированных межотраслевых корпораций, организованных на принципах взаимного дополнения подразделений, где внутренние потоки денег и ресурсов будут обращаться по внутренним ценам (Корнев, 2014).

Кроме того, развитие транснационального сектора российской экономики на основе государственных корпораций и интегрированных структур способствует формированию «новой институционально однородной среды». Поэтому «альтернативой

может стать экономической политика поддержки транснационального сектора, который в долгосрочной перспективе будет способствовать модернизации российской экономики» (Фролов, 2017). Для России также принципиально значима сбалансированная региональная политика стимулирования и создания заинтересованности в развитии за счет технологической составляющей, интеллектуальных и других факторов, которые составляют то или иное качественное превосходство территории.

Понимание системной связанности секторов экономики предполагает применение соответствующих регулирующих механизмов трансформации, затрагивающих все звенья экономики и связи между ними, а также соответствующие направления нормативно-правового регулирования и сбалансированной национальной политики – промышленной, инвестиционной, научно-технологической, образовательной, социальной, культурной.

Взаимная обусловленность вариантов несырьевого пути развития, а также определенные условия и ограничения, присущие каждому механизму, делают естественным выбор *смешанных механизмов перехода* к несырьевой модели экономики.

Для определения правильного соотношения инструментов перехода от сырьевой экономики к технологичной модели необходим стратегический анализ имеющегося технологического и интеллектуального потенциала с учетом перспектив наращивания конкурентоспособности в несырьевой сфере. Такой подход предусматривает возможность комбинировать способы воздействий в зависимости от изменения внешних и внутренних условий и факторов. Варьирование механизмов требует гибкости стратегического планирования и управления на всех уровнях экономической иерархии. В основе должно быть стратегическое видение модели как будущего образа социально-экономической системы в системной целостности, многообразии и связанности подсистем, эффективной функциональности взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Диверсификация ОПК: Как побеждать на гражданских рынках. Доклад Экспертного совета Председателя коллегии Военно-промышленной комиссии РФ. Подготовлен для V Межд. форума технологического развития «Технопром». Новосибирск: Ин-т национальной стратегии, 2017. Официальный сайт. URL: <http://www.instrategy.ru/pdf/367.pdf>.
- Клейнер Г.Б. Системная организация экономики и проблемы распространения инноваций // Вестник университета. Государственный университет управления. 2011, № 3. С. 26–36.
- Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 4–27.
- Клейнер Г.Б. Импортозамещение как зеркало современной российской экономики // Экономическое возрождение России. 2016. № 3 (49). С. 19–26.
- Клейнер Г.Б. Системная экономика: в поисках единой платформы для ведения хозяйства, организации управления, развития экономической теории // Экономика и управление: проблемы, решения, 2017. Т. 3. № 6. С. 6–14.
- Корнев А.К. Производственный потенциал России: повышение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5 (146). С. 53–69.
- Официальная статистика: Внешняя торговля. Росстат. Официальный веб-сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/#.

- Развитие общего и несырьевого экспорта России в 2016 году. Презентация. М.: Российский экспортный центр, 2017. РЭЦ. Офиц. веб-сайт. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/russian_exports/.
- Развитие общего и несырьевого экспорта России в январе-ноябре 2017 г. Аналитическая справка. М.: Российский экспортный центр, 2018. РЭЦ. Офиц. веб-сайт. URL: https://www.exportcenter.ru/international_markets/russian_exports/.
- Российская Федерация в 1992 году. Стат. еж-к. Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. 854 с.
- Российский статистический ежегодник. 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm.
- Рязанов В.Т.* Экономика рентных отношений в современной России // Христианское чтение. 2011. № 4 (39). С. 149–176.
- Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991-2015 гг. Прил. к Стат. сб. Российский стат. ежегодник 2016. Росстат. Офиц. веб-сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13_p/Main.htm.
- Социально-экономическое положение России – 2016 год (уточненные итоги). Вып. 12. М.: Росстат, 2017. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf.
- Социально-экономическое положение России – 2017 год. Вып. 12. М.: Росстат, 2017. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf.
- Сухарев О.С.* «Технологичность» российской экономики и новые меры промышленной политики // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 5. С. 8–22.
- Торговля в России 2017. Стат. сб. М.: Росстат, 2017. Росстат. Офиц. веб-сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/torg17.pdf.
- Торговля в России 2017. Прил. к сб. М.: Росстат, 2017. Росстат. Офиц. веб-сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916653609.
- Фальцман В.К.* Предпосылки импортозамещения и развития экспорта продукции высоких технологий // ЭКО. 2016. № 4. С. 56–73.
- Фролов И.Э., Лебедев К.К.* Оценка влияния высокотехнологичного экспорта на темпы роста и структуру российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2007 № 5. С. 62–76.
- Фролов И.Э.* Макроструктурная неоднородность как существенное условие сокращения потенциала экономического развития России // Прогнозирование экономического роста: Матер. Межд. научн. конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения Ю.В. Яременко. Под ред. В.В. Ивантера. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 136–143.
- Pietrobelli C., Rabelotti R.* The Global Dimension of Innovation Systems: Linking Innovation Systems and Global Value Chains. // Lundvall B.-Å., Joseph K.J., Chaminade C., Vang J. (ed.) Handbook of Innovation Systems and Developing Countries: Building Domestic Capabilities in Global Setting. Cheltenham (UK): Edward Elgar, 2009. P. 214–240.
- Salnikov V., Galimov D., Mikheeva O., Gnidchenko A., Rybalka A.* Russian manufacturing production capacity: Primary trends and structural characteristics // Russian Journal of Economics. 2017, no 3. P. 240–262.
- The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. 10th ed. Ithaca, Fontainebleau, Geneva: Cornell University, INSEAD, WIPO, 2017. URL: http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2017.pdf.
- 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index, 2016. P. 7. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/global/Documents/Manufacturing/gx-global-mfg-competitiveness-index-2016.pdf>.